

ПАМЯТНИКИ ФОЛЬКЛОРА КАРЕЛИИ

Русские
народные сказки
Пудожского края

ПЕТРОЗАВОДСК «КАРЕЛИЯ» 1982

кс
о-
ки
ва
82
э-
из
ч-
ин
сь
в-
ин
о-
м
и-
д-
о-
м
ке
а-
гу
а-
4,
о-
о-
и-
С.
3

ББК 82.3Р
РФ
Р89

КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ

Составители
А. П. Разумова, Т. И. Сенькина

Научный редактор
доктор исторических наук

Э. В. Померанцева

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института языка,
литературы, истории
Карельского филиала
АН СССР*

4702010000—069^{49—82}
Р М127(03)—81

© «Карелия», 1982

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Принципы, которыми руководствовались составители при подготовке к изданию сборника «Русские народные сказки Пудожского края», аналогичны выработанным при составлении сборника «Русские народные сказки Карельского Поморья»¹.

При работе над сборником использованы материалы научного Архива Карельского филиала АН СССР, записанные в Пудожском районе с 1932 по 1977 год включительно.

Отбирая тексты для публикации, составители стремились показать разнообразие сюжетов, зарегистрированных в Пудожье, представить сказки из самых разных уголков края, опубликовать тексты как талантливых сказочников с большим репертуаром, так и лучшие в художественном отношении сказки «рядовых» исполнителей.

В связи с тем, что записи сказок в Пудожском районе производились многочисленными собирателями на протяжении длительного времени, с различными целями и средствами записи, при отборе сказок для публикации обнаружилась неодинаковая степень точности фиксации материала. Произведенная в сборнике унификация соответствует принципам, выработанным В. Я. Проппом при издании «Севернорусских сказок в записях А. И. Никифорова»², где составителю пришлось столкнуться с аналогичного рода трудностями.

В сборнике публикуется пятьдесят текстов, расположенных по региональному принципу (по сельсоветам и населенным пунктам в алфавитном порядке). Внутри населенных пунктов сказки даны по исполнителям тоже в алфавитном порядке, а репертуар исполнителей по «Сравнительному указателю сюжетов. Восточнославянская сказка»³. По такому же принципу

¹ Русские народные сказки Карельского Поморья. Составители: А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Издательство «Карелия», Петрозаводск, 1974, с. 3—4.

² Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. Издание подготовил В. Я. Пропп. М.—Л., 1961.

³ Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Составители: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Ответственный редактор К. В. Чистов. Л., Наука, 1979. Далее — СУС.

расположен материал и в описи, где кратко передано содержание неопубликованных сказок Пудожского края.

Географическое расположение материала в академических фольклорных сборниках встречается параллельно с сюжетным. Избранный в сборнике принцип распределения сказок по населенным пунктам нам кажется наиболее удобным в изучении многих теоретических проблем и, в частности, проблемы типологии исполнительского мастерства. Публикуемые тексты озаглавлены. Без скобок указаны названия сказок, данные исполнителями, в квадратных скобках — названия по Сравнительному указателю сюжетов.

В сборнике помимо текстов имеются: вступительная статья, где дана общая характеристика пудожской сказочной традиции; опись сказок Пудожья, хранящихся в научном Архиве Карельского филиала АН СССР; примечания к публикуемым текстам, содержащие некоторые наблюдения по пудожской сказке; список исполнителей; словарь местных слов.

О СКАЗОЧНОЙ ТРАДИЦИИ ПУДОЖСКОГО КРАЯ

Пудожский край издавна славится как сокровищница русского фольклора. Еще в шестидесятые—семидесятые годы прошлого века известные ученые и собиратели былины П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг открыли здесь имена замечательных мастеров эпической поэзии. Наряду с былинами, песнями, причитаниями и другими жанрами богато представлена в Пудожском районе и народная сказочная традиция. Несомненно, что сказки в этих местах бытовали и в прошлом веке, и ранее, но долгое время внимание ученых было сосредоточено на былинном эпосе, сказки же, как и другие жанры, почти не записывались¹. Обследуя состояние былинной традиции Онежского края (куда входит и Пудожский район) в двадцатые годы XX века, Ю. М. Соколов в статье к изданию «Онежских былин» отмечал, что работа экспедиции была четко ограничена определенными, специальными задачами: «сбором одного лишь былевого материала», но «...соблазн уклониться в сторону был чрезвычайно большой, так как в Онежском крае в полном расцвете разные фольклорные жанры, в том числе и сказочное творчество»². Почти двадцать лет спустя, анализируя состояние сказочной традиции в Карелии, Н. П. Андреев также писал, что «Карело-Финская ССР богата сказками... сказки здесь жили и живут весьма интенсивной жизнью»³. На необычайное разнообразие фольклора Пудожья и, в частности, на наличие здесь сказок обратили внимание и участники экспедиций тридцатых годов, составители сборника «Былины Пудожского края» Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов, они заметили: «Здесь можно встретить исключительных сказочников с громадным репертуаром, мастеров народной песни, вопления и других творцов и исполнителей народного творчества»⁴. Однако до настоящего времени о пудожской сказке известно мало.

¹ Подробнее об этом см.: М. К. Азадовский. О русской сказочной традиции в Карелии. Русская сказка в Карелии (старые записи). Петрозаводск, 1947. В дальнейшем — Карельск.

² Онежские былины. Подбор былин и научн. ред. текстов акад. Ю. М. Соколова. Подгот. текстов к печати, примеч. и словарь В. И. Чичерова. М., 1948, с. 4—5.

³ Н. П. Андреев. Русские сказки в Карело-Финской ССР. Фольклор Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1941, с. 69.

⁴ Былины Пудожского края. Подготовка текстов, статья и примечания Г. Н. Париловой, А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941, с. 22. В дальнейшем — Былины.

Систематическое собрание сказок в Пудожском крае по существу началось в советское время и продолжается до сих пор. Организационно собрание и изучение русского фольклора в Карелии в целом осуществлял Карельский научно-исследовательский институт культуры (КНИИК), ныне Институт языка, литературы, истории Карельского филиала Академии наук СССР (ИЯЛИ). В тридцатые годы, когда еще не было своих подготовленных кадров фольклористов, институт работал совместно с фольклорной комиссией при Институте этнографии Академии наук СССР (ныне сектор народного творчества Института русской литературы АН СССР. Пушкинский дом). Руководителями и участниками экспедиций по сборанию материала были сотрудники фольклорной комиссии. Большую научную и научно-организационную работу в это и последующее время проводили ленинградские ученые-фольклористы — Марк Константинович Азадовский, Анна Михайловна Астахова, Николай Петрович Андреев.

В 1937 году в Карельском научно-исследовательском институте культуры была создана самостоятельная фольклорная секция, работавшая в тесной связи с фольклорной комиссией АН СССР. Первыми ее сотрудниками были выпускники Ленинградского государственного университета. С 1932 по 1977 год включительно в Пудожский район состоялось 35 фольклорных экспедиций. В 30-е годы, когда в основном еще продолжалось изучение состояния былинной традиции, собирательская работа проводилась в районе Купецкого озера, Шалы, Водлозера, частично Колодозера, Нигизмы, а также центра Сумозера, т.е. там, где уже побывали собиратели фольклора XIX и начала XX веков⁵. Одновременно с собиранием былины записывались и сказки; в общей сложности их оказалось не много⁶, но среди исполнителей были обнаружены незаурядные сказочники: Ирина Павловна Савинкова, Михаил Андреевич Павков, Федор Федорович Кабренов, Осип Иванович Дмитриев. Записать их богатый репертуар в то время не удалось. От О. И. Дмитриева, например, в Архиве Карельского филиала АН СССР хранится всего три сказки; вместе с тем имеется перечень известных ему сюжетов, которые, как оказалось позже, перенял и прекрасно сохранил в своей памяти его сын — Михаил Осипович Дмитриев. Уже в 70-е годы Т. И. Сенькина записала от М. О. Дмитриева двадцать больших по объему, преимущественно волшебных, сказок.

Более целенаправленно собрание пудожских сказок проводилось в сороковые и пятидесятые годы. Сотрудница ИЯЛИ А. В. Белованова записала сто двадцать полноценных текстов⁷, лучшие из них были отобраны для предполагавшегося сборника сказок Пудожского района, но составление его осталось незавершенным⁸. В 60—70-е годы район обследования сказочной традиции Пудожья был расширен, кроме вышеупомянутых мест допол-

⁵ Имеются в виду поездки Рыбникова и Гильфердинга, а также экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых 1928—1929 г. «По следам Рыбникова и Гильфердинга».

⁶ По 1940-й г. включительно в фольклорном архиве института насчитывалось около 160 сказок.

⁷ См.: Архив Карельского филиала АН СССР. Фонд I, коллекция: 12 а, 17, 19, 20, 60. В дальнейшем — АКФ.

⁸ Отобранные для сборника тексты находятся в АКФ, фонд I, опись 45, колл. 29.

нительно обследованы Кривецкий, Кубовский, Куганаволокский сельские советы. Активно в эти годы сказки собирали научные сотрудники сектора фольклора и этнографии ИЯЛИ — Н. А. Криничная, А. П. Разумова, Т. И. Сенькина, старшие лаборанты — В. П. Кузнецова, Т. С. Курец, а также работавшие в составе экспедиций ИЯЛИ студенты Петрозаводского государственного университета — М. Нигметова, О. Устинская и группа студентов Карельского государственного педагогического института под руководством доцента С. М. Лойтера. Записи этих лет составляют большую часть пудожских сказок, хранящихся в Архиве Карельского филиала АН СССР (около пятисот текстов). В эти годы также были выявлены прекрасные мастера сказки, к ним относятся — Вера Петровна Бычкова из деревни Кубово, Евдокия Макаровна Левина из деревни Пога, Ирина Павловна Перхина и Михаил Осипович Дмитриев из деревни Авдсево, Мария Петровна Васюнова из Водлы и другие.

Среди публикаций русских сказок, записанных в Карелии в дореволюционное время, пудожским сказочникам было отведено самое минимальное место: две сказки, записанные П. И. Рыбниковым, опубликованы в его собрании «Песен»; один текст вошел в «Сборник великорусских сказок» А. М. Смирнова; местный собиратель П. Шайжин опубликовал одну сказку в Олонецких губернских ведомостях, и сказка, записанная этнографом В. Н. Харузиной, появилась в свое время в «Этнографическом обозрении». Эти тексты вместе со старыми записями из других районов бывшей Олонецкой губернии представлены в сборнике М. К. Азадовского «Русские сказки в Карелии» (старые записи)⁹.

Публикации пудожских сказок советского времени также немногочисленны: текст Ф. А. Конашкова «Об Ерше Ершовиче» появился в альманахе «Карелия» в 1939 году¹⁰, шестнадцать текстов представлены в сборнике сказок «Перстенок — двенадцать ставешков»¹¹, девять сказок о животных в записи С. М. Лойтер опубликованы в журнале «Север»¹². Основная же масса сказочных текстов этого района до последнего времени остается достоянием Архива Карельского филиала АН СССР, где хранится более восьмисот пудожских сказок¹³, записанных примерно от 150 человек. Две трети сказочников составляют женщины. Возрастной состав исполнителей следующий:

Дети школьного и дошкольного возраста	— 9 человек
от 16 до 20 лет	— 3 человека
от 20 до 50 лет	— 5 человек
от 50 до 60 лет	— 24 человека

⁹ Карельск. Из Пудожского района в сборнике опубликованы сказки № 2, 5, 11, 35, 52.

¹⁰ Альманах «Карелия», Петрозаводск, 1939, № 1, с. 114.

¹¹ Перстенок — двенадцать ставешков. Избранные русские сказки Карелии. Составление, вступит. статья и коммент. К. Чистова. Петрозаводск, 1958. В дальнейшем — Чистов.

¹² Север, 1976, № 1, с. 109—113.

¹³ См. опись настоящего сборника, а также Каталог русского рукописного фонда научного Архива Карельского филиала АН СССР. «Сказки Пудожья» (1932—1978 г.). Составитель Н. Ф. Онегина. Петрозаводск, 1979. Сказки, записанные в Пудожском районе КАССР, имеются и в других архивах, вне республики, но в данном сборнике они не учитываются.

от 60 до 70 лет — 54 человека
старше 70 лет — 51 человек

Неизвестен возраст лишь нескольких сказочников.

Репертуар пудожских сказочников разнообразен, в общей сложности здесь выявлено более 300 сюжетов, известных в общерусской сказочной традиции. В этом отношении Пудожский район превзошел некоторые другие севернорусские районы: на Карельском побережье Белого моря зарегистрировано 237 сюжетов, на Терском берегу Белого моря — 155, в Занонежье — 137, на Мезени — 140, на Пинеге — 104¹⁴. Шире в Пудожье представлены волшебные сюжеты: в записи 30-х годов они составили две трети общего количества сказок, в 40—50-е годы — более половины, в 60—70-е годы — около двух третей.

В местном репертуаре волшебнo-фантастических сказок сохраняются черты общерусской, а точнее — севернорусской традиции. Здесь известны сказки о героях змеборцах, наделенных необыкновенной силой, сюжеты с мотивами превращений, где при встрече с фантастическими существами всегда превосходит сила героя; он преодолевает противника с помощью чудесного предмета или чудесного помощника и вследствие присущих ему личных качеств: ума, ловкости, смелости. Герои сказок нередко имеют чудесное происхождение, например, у царицы, служанки и кобылы одновременно рождаются сыновья от съеденного окуня¹⁵.

У пудожских сказочников неоднократно записаны сюжеты: «Победитель змея» (СУС 300), «Бой на калиновом мосту» (СУС 300 А), «Три подземных царства» (СУС 301 А, В), «Два брата» (СУС 303), «Чудесное бегство» (СУС 313 А, В, С), «Звериное молоко» (СУС 315), «Чудесные дети» (СУС 707) и многочисленный ряд других.

Наиболее популярны в районе следующие сюжеты: «Сивко-бурко» (СУС 530) — более двадцати вариантов, «Царевна-лягушка» (СУС 402) — девятнадцать вариантов, «Волшебное зеркальце» (СУС 709) — четырнадцать вариантов и т. д. До десяти вариантов сказок записано на сюжеты: «Муж ищет исчезнувшую или похищенную жену» (СУС 400), «Амур и Психея» (СУС 425 А), «Конек-горбунок» (СУС 531), «Молодильные яблоки» (СУС 551), «Слепой и безногий» (СУС 519), «Волшебное кольцо» (СУС 560) и ряд других.

В единственной записи хранятся сказки на сюжеты: «Кати горошек» (СУС 312 Д), «Бычок-спаситель» (СУС 314 А*), «Брат и сестра у ведьмы» (СУС 327 А), «Любовь к трем апельсинам» (СУС 408), «Муж-осел» (СУС 430), «Ворон-помощник» (СУС 553), «Заячий пастух» (СУС 570), «Морока» (СУС 664 А*), «Язык животных» (СУС 670), «Две доли» (СУС 735) и т. д.

В Пудожском районе разнообразны и широко известны традиционные сказки о животных, зарегистрировано 32 сюжета, наиболее популярны из

¹⁴ См.: Русские народные сказки Карельского Поморья. Составители А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974; Сказки Терского берега Белого моря. Издание подготовил Д. М. Балашов. Л., 1970; Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова. Издание подготовил В. Я. Пропп. М.—Л., 1961.

¹⁵ См. сказку М. О. Дмитриева, № 1, настоящ. сборника.

них: «Пение волка» (СУС 163), «Звери в саях у лисы» (СУС 158), «За скалочку гусочку» (СУС 170), «Кот, петух и лиса» (СУС 61 В), «Лиса-повитуха» (СУС 15), «Лиса-нянька» (СУС 37), шире, чем в других районах Карелии, известен сюжет «Об Ерше Ершовиче» (СУС 254 *). Объем большинства сказок о животных, как обычно, невелик. Некоторые из них бытуют в соединении с мотивами других сюжетов, например, сюжет «Лиса крадет рыбу с воза» (СУС 1) нередко передается в контаминации с сюжетами «Волк у проруби» (СУС 2), «Лиса обмазывает голову тестом» (СУС 3), «Битый небитого везет» (СУС 4). Распространена также контаминация сюжета «За скалочку гусочку» (СУС 170) и «Звери в саях у лисы» (СУС 158), а сюжет «Кот, петух и лиса» (СУС 61 В) нередко выступает в соединении с сюжетом «Пение волка» (СУС 163).

Некоторые сказки о животных встречаются очень редко и хранятся в нашем архиве в единственных записях, к ним относятся: «Лиса и волчиха» (СУС 36), «Собака и волк» (СУС 101), «Мужик, медведь и лиса» (СУС 154), «Мышь и воробей» (СУС 222 В *) и другие.

Наблюдения собирателей последних лет свидетельствуют о том, что сфера бытования сказок о животных становится менее обширной. Как и в других районах Севера, в Пудожье эти сказки стали в основном достоянием детской аудитории, рассказывают их преимущественно женщины. Традиционная основа широко распространенных сказок о животных устойчива, разнообразны художественные средства изображения, ярче они выражены в текстах наиболее талантливых исполнителей. Незаурядными мастерами так называемых «робячьих» сказок оказались Анна Михайловна Пашкова, Ирина Павловна Савинкова, Вера Петровна Бычкова, Ирина Павловна Перхина, Евдокия Алексеевна Кокунова. Уровень их словесного и исполнительского искусства высок, талантливые сказочницы сохраняют черты, характеризующие общерусскую сказочную традицию, но их манера рассказывания индивидуальна. В текстах наблюдается подробная разработка диалога, интонационное воспроизведение голосов персонажей сказки, исполнение песенок с напевом. Нередко в процессе записи текст дополняется ремарками, вносящими порой существенные уточнения в характеристики персонажей или самого действия. Исполняя сказку «Кот, петух и лиса» для записи на магнитофон, Вера Петровна Бычкова, например, замечает: «Знаешь, лиса хитрая животина, у ей голосок-то ласковый»¹⁶. Для более яркого выражения состояния нетерпения, желания лисы получить петуха, сказочница говорит: «Ну дак, уж ёна так извивается перед окошком, только сфотографировать бы ей, так скётся, дак ох! Приплясыват на задних лапках»¹⁷. Или: «Лисица хап! Под лапки, под шейку, захватила и поплёрла! Жалко смотреть, как она его тащит. Сколько у ей улыбки на губах своих на долгих. Так ей хорошо, что она с петуха скоро будет суп варить»¹⁸.

¹⁶ АКФ — 92, 32. Материалы каждой экспедиции составляют в Архиве отдельную коллекцию. Вслед за обозначением — АКФ первые две цифры указывают номер коллекции, цифры, следующие за запятой, — порядковый номер единицы хранения.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

Значительно беднее других в репертуаре пудожан представлены легендарные сказки. Из тринадцати записанных в районе сюжетов большинство не имеют вариантов, а некоторые являют собой лишь фрагменты известных сюжетов. Полнее сохранились сюжеты «Илья и Никола» (СУС 846*), «Золотое стремечко» (СУС 790*), «Ангел на земле» (СУС 795). Религиозные мотивы в пудожских сказках этого раздела почти стертые. В одной из сказок на сюжет «Чудесное омоложение» содержится социальная окраска. Перековывая купца, кузнец сжигает его и произносит: «А барское тело не идет в дело, из крестьянина можно сделать человека, а из барина нельзя»¹⁹.

Из анекдотических сказок, записанных в Пудожском районе, наиболее популярны сюжеты антицерковного содержания. Так называемые антипоповские сказки встречаются у большинства пудожских сказочников. Среди них имеются лица, репертуар которых состоит почти полностью из подобного рода анекдотов. К их числу принадлежит, например, Федор Михайлович Ефимов²⁰.

Как правило, в антипоповских сказках подчеркиваются такие пороки служителей церкви, как жадность, глупость, пьянство, прелюбодеяние. В сказке «Про Улиту да Микиту» поп не желает дать бедняку «мякушки хлеба», хотя у самого «до того насбирано, дак в горницу не влезает!» Хитрому и ловкому работнику всегда удается одурачить глупых попов, дякона и пономаря. В сказке «Про Ваньку-мана» герой, зная поповскую слабость, заводит попа с друзьями в трактир, где «накутили они на сто рублей». По предварительной договоренности с хозяином трактира герой делает вид, что платит шапкой, которую затем продает попам. А те и рады. «Ведь сколько денег мы тратим па это», признаются они друг другу (подчеркнуто нами.— Р., С.). Особенно в сказках заостряется внимание на посрамлении попа. Когда тот, подражая герою, хочет заплатить за выпитое вино шапкой, половой отвечает:

«— Какой квит, батюшко? Деньги надо!

Видит, что у попа денег нет, схватил его за волосы и давай валтузить, чуть живого за двери вышхнул с трактира»²¹.

В анекдотических сюжетах, там, где в общерусской сказочной традиции противником героя является барин, в Пудожском крае он заменяется попом. Чаще всего такая замена происходит в сюжете «Ловкий вор» (СУС 1525 А), где ловкий работник (или вор) заключает пари с попом, крадет у него вещи, затем саму попадью и т. д. Очень популярна в Пудожском районе сказка «Никола Дупленский» (СУС 1380)²², в которой зло высмеивается слепая набожность глупой жены героя. Муж узнает, что у его жены есть любовник; учитывая особенность ее характера, он от имени святого Николая советует ей, как можно, якобы, избавиться от постылого мужа, а затем будто невзначай убивает любовника, обвинив в этом саму жену.

Но, пожалуй, самое яркое впечатление оставляет сказка «Гость Терентий» (СУС 1360 С). В. Я. Пропп в примечаниях к сказкам А. Н. Афанасьева

¹⁹ АКФ 92, 9.

²⁰ См. опись настоящего сборника № 194—200.

²¹ АКФ 19, 45.

²² АКФ 6, 140; 19, 49; 23, 7; 23, 247; 73, 30; 85, 105; 92, 38; 93, 197; 102, 29; 102, 36; 68, 209.

пишет об этом сюжете: «Это одна из наиболее популярных сказок народов всего мира. В Западной Европе сюжет известен также в форме фарса и кукольной комедии. У нас широко был распространен в форме былины-скоморошины под названием «Гость Терентий»²³. Последнее высказывание ученого очень важно при рассмотрении пудожских вариантов сказки. Все они отличаются строгой композицией, художественным совершенством. В каждой из них имеются рифмованные строки, свидетельствующие о том, что данные сказки прошли обработку сказочников-профессионалов, возможно, скоморохов»²⁴.

Коротко смысл сказки сводится к следующему: жена притворяется больной, посылает мужа за лекарством, в его отсутствие приглашает любовника, в качестве которого почти во всех пудожских вариантах выступает поп. Своеобразно разрешается в сказке обличение неверной жены и ее любовника. Прохожий (сосед, реже работник) тайком приводит в дом хозяина, там они слышат песни «подвыпивших влюбленных», в которых иронически высмеиваются сами исполнители песен. Так, если первая часть песни жены, раскрывающая одурачивание мужа, почти дословно совпадает в большинстве вариантов и выглядит нейтрально, то вторая часть, изображающая поведение жены и ее любовника, полна скрытой иронии, и в каждом отдельном случае сказочники добавляют в нее определенного рода штрихи, придающие песне неповторимое своеобразие. Например:

«Ушел мой муж, ушел дорогой
Во прынское царство,
Туда не дойти, назад не прийти!
А я молода, совсем здорова, здоровешенька.
Я с поном за столом и стекляночка с вином.
Ем да пью, прохлаждаюсь,
А хозяйна домой не дожидается»²⁵.

Песенкой, которую исполняет поп, он словно бы высмеивает самого себя:

«Поп ходит да гуляет,
Да пивцо выпивает,
А свое дело знает.
(И ножкой топнет)»²⁶.

Угощаясь с чужой женой, поп в песне оправдывается:

«Один бог, один бог без греха!
Один бог, один бог без греха!»²⁷.

Известные ученые-сказковеды неоднократно отмечали, что на протяжении продолжительного времени сказочная традиция претерпевала и продолжает претерпевать существенные изменения. В живом бытовании реже

²³ Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в трех томах. М., 1958, т. 3, с. 442.

²⁴ АКФ 7, 22; 15, 8; 19, 44; 22, 2а; 60, 75; 83, 55; 85, 68; 85, 102; 93, 231; 98, 38.

²⁵ АКФ 19, 44.

²⁶ АКФ 7, 22.

²⁷ АКФ 19, 44.

стали встречаться фантастические сказки, наблюдается нарушение сказочных канонов, традиционной сказочной поэтики²⁸. Эти изменения нашли отражение и в пудожской сказке. Длительные наблюдения собирателей за жизнью сказки в районе, ознакомление с архивным материалом дают основания предполагать, что, по-видимому, в силу крепкой местной традиции, особенностей бытования в прошлом сказка здесь сохраняется в памяти определенной части преимущественно пожилого населения и в настоящее время. Это подтверждается и довольно солидным количеством записей сказок, и разнообразием репертуара района, и наличием ряда талантливых сказочников, как в недавнем прошлом, так и в последние два десятилетия.

Как и в других районах Севера, в Пудожье известна «долгая» волшебная сказка, содержащая обычно несколько сюжетов или мотивов различных сюжетов. «Долгие» сказки записаны от ряда сказочников в 30—40-е годы и в последние десятилетия (от О. И. и М. О. Дмитриевых, Ф. Ф. Кабренова, Я. Ф. Львова, Ф. М. Ефимова, А. А. Лукина, И. П. Савиновой, Е. М. Левиной и некоторых других). Контаминация сюжетов прослеживается не только в волшебных, но и в других группах сказок. В однотипном сочетании сюжетов (мотивов) сказка встречается у нескольких лиц. Например, сказка «Бур-хребер», состоящая из сюжетов СУС 303, 300 А, 519, 300, известна М. О. Дмитриеву²⁹ и И. П. Савиновой³⁰. Сказку «Про жёну Светлану» в сочетании сюжетов СУС 402, 400, 518, 302 рассказывает М. О. Дмитриев³¹ и Е. М. Левина³².

Ученые неоднократно высказывали мысль о том, что стремление к контаминации могло быть вызвано в какой-то мере определенными условиями бытования сказки, коллективной формой труда³³. Материалы Пудожского района подтверждают этот довод. Основными занятиями населения в прошлом здесь были ведение подсечного хозяйства, охота на зверя в лесу, заготовка и сплав леса, рыбная ловля. Исполнитель былин и сказок Никита Антонович Ремизов вспоминал о себе: «Дрова пилил на биржах и в борах³⁴, подвозил в зимнюю пору купцам, вот там я научился старины петь... Вечером делать нечего в станках: Посидим, потом займемся за старинными да за сказками, чтобы скуряе зимняя ночь прошла»³⁵. О рассказывании на

²⁸ Пропп В. Я. Морфология сказки. М., 1963, с. 104; Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. М., 1965, с. 23; Э. В. Померанцева. О русском фольклоре. М., 1977, с. 64.

²⁹ См. № 1 настоящ. сб.

³⁰ АКФ 6, 105.

³¹ См. № 3 настоящ. сб.

³² АКФ 139, 97.

³³ См.: Сказки из разных мест Сибири. Под ред. проф. М. К. Азадовского. Труды кабинета русской литературы при пед. факультете Иркутского государственного университета, т. I, Иркутск, 1928; А. М. Астахова. Карельские фольклорные экспедиции (1931—1933). «Советская этнография», 1934, № 1—2, с. 9—17; Русские народные сказки Карельского Поморья. Состав. А. П. Разумова, Т. И. Сенькина. Петрозаводск, 1974, с. 12; Н. М. Ведерникова. Русская народная сказка. М., Наука, 1975; Р. П. Матвеева. Русские народные сказки Сибири о богатырях. Новосибирск. Наука, 1979.

³⁴ На лесозаготовках.

³⁵ Былины, с. 266. Из автобиографии Н. А. Ремизова.

сплаве, в лесных «фатерках», на мельнице сообщали и другие сказочники³⁶. Традиция рассказывания сказок перед коллективом сохранялась еще в 40-е годы. В. П. Бычкова во время Великой Отечественной войны работала на лесозаготовках, «жили в бараке человек сорок женщин». Она вспоминает, что не только рассказывала, но и читала женщинам сказки по их просьбе из книг³⁷. В настоящее время группового слушания сказок среди взрослого населения собиратели фольклора в районе не наблюдали.

В сказках Пудожья нашли отражение разнообразные черты жизни этого края — труд, быт, природа. В волшебных, новеллистических, даже анекдотических сказках нередко эпизоды или отдельные яркие детали, характеризующие отходничество, охотничий промысел, подсечное хозяйство. Лес для пудожанина был всем, «он кормил и поил», его возили и сплавлили по найму, заготавливали для личных нужд, в лесу добывали пушнину и птицу, брали грибы и ягоды, лес «секли», расчищая почву для посевов. Многие сказочники лично участвовали в этих тяжелых работах и свои воспоминания передавали собирателям фольклора в рассказах и сказках. А. М. Пашкова в автобиографии сообщает: «...Рубили лес, на другу весну срубленный лес выжигали под посев. И хуже этой работы на свете нет. Как каторжные в дыму ходили»³⁸. А. А. Портнягин в сказке «Хитрая наука» говорит: «Жили-были три брата. Справились они нивы чистить, в наволоках... Секли, секли, до того досекли, что край свету. Дальше сесть некуда... Стали огонь добывать. Прежде были огнива, плоткой огонь доставали, кремьн высекали»³⁹. В одной из сказок Ф. Ф. Кабренова царь дает герою задачу: «срубить бор лесов, сделать на том месте поляну, посеять пшеницу, собрать урожай»⁴⁰. Вместо традиционного задания, которое обычно в сказке получают от царя невестки — испечь хлеб, слить рубашку, выткать ковер («Царевна-лягушка» — СУС 402), — Е. А. Кокунова вводит иное поручение: «...Выжать невесткам полосу овса... Сыновья подумали: каки наши жены жницы, как не видели овса на поле? (Царская и генеральская дочери.) А лягушка овернулась девушкой, дак только снопы перекидыват, всю полосу охлопала. Ды!»⁴¹.

В сказках отражена и такая характерная местная деталь, как бездорожье. Стремясь достичь цели, герой идет пешком, преодолевает топи и болота, переправляется на плоту через озера и реки и допадает на остров, и сказочник дополняет: «...Тогда железных дорог не было, машин не было, надо пешком идти»⁴². Или — «Прослужил солдат у царя длинную службу... выдавался в отпуск на три года... Железных дорог не было, шоссейные дороги были — и то мало, леса были непроходимые, и приходилось попадать пешком, по тропинкам. Прошел он целый год в этих дорогах»⁴³.

³⁶ АКФ 17, 70а, Ф. М. Ефимов.

³⁷ АКФ 93, 29.

³⁸ Былины, с. 61.

³⁹ АКФ 16, 169; 19, 17.

⁴⁰ АКФ 19, 42.

⁴¹ АКФ 19, 23.

⁴² АКФ 17, 53.

⁴³ АКФ 17, 51.

Излюбленная тема пудожских сказочников — охота, рассказывают об этом с огромным желанием и тонким знанием дела. Охотой увлекались сказочники Ф. Ф. Кабренов, В. А. Зайцев, А. А. Портнягин, И. Ф. Мишкин, охотились по два-три человека. Характеризуя этот промысел, сказочники называют детали процесса охоты, принадлежности, умение обращаться с дичью и пушниной. Сказочник А. А. Портнягин рассказывает так: «Жил-был, можно сказать, крестьянин, но он... занимался и охотой. Был у него всего один сын; этот сын страшно любил охоту, даже за крестьянством не гнался, а любил поохотиться... Была у него собака, очень хорошая, шла за разным зверем. Как настанет осень, он уходил в лес, там живет в избушке да охотится»⁴⁴. В другой сказке уточняется, что представляет собою лесная избушка: «Один мужичок ходил за охотой. Раньше они ночевали в лесной избушке, станки такие были, с одной стороны закрыто, да дверь, пропахаться только человеку»⁴⁵. Героям сказки известна манера поведения охотников. В одной из сказок в лесную «фатерку» попадают мать и сын, они находят там пищу, но едят ее не всю: по лесным правилам охотники часть пищи оставляли тому, кто может прийти сюда вслед за ними. В сказке М. П. Васюновой в «фатерку» попадает царевна, к ней приходят три живущих здесь брата. «Они полесовали, в леса ходили, нанесли «птицу, да кунца, да лисиц, да пескунов»⁴⁶, да мошников — целу ношу принесли. Она (царевна) ошипала пескунов, наварила супу да наелась... Утром встали, опять полесовать пошли в лес»⁴⁷. В пудожских сказках охотятся не только простые люди, но и цари, царские дети. В сказке Портнягина на охоту едет сам царь Берендей, потому что «жена забеременела, дичи заобожала».

Особенности бытования, использование сказочником художественных средств, манеру исполнения можно рассмотреть на примере творческой биографии отдельных сказочников.

Репертуар Федора Федоровича Кабренова, как и других пудожских сказителей, формировался постепенно и был связан со спецификой крестьянского труда Пудожского края. Кабренов родился в бедной крестьянской семье в деревне Ларьюшино, рано остался без отца. С двенадцати лет ходил со старшим братом на заработки, учился плотничать, работал на лесозаготовках, где постепенно и усваивал сказочную традицию родного края. Несмотря на то, что он был грамотный и любил читать, все известные ему сказки, по собственному утверждению, усвоил устным путем, а не из книг. Однако это не исключает возможности книжного влияния на репертуар сказочника. Об этом свидетельствует использование им книжной лексики, наличие в текстах имен персонажей, а иногда и целых мотивов, усвоенных из сказок лубочного происхождения. Такие факты возвращения в фольклорную традицию литературных сказок, для создания которых в свою очередь были использованы народные сюжеты, хорошо известны в фольклористике, они способствовали обогащению фольклорного репертуара.

⁴⁴ АКФ 17, 61.

⁴⁵ АКФ 17, 80.

⁴⁶ Молодая дичь.

⁴⁷ АКФ 102, 16.

О широком бытовании сказки в Пудожском районе еще в недалеком прошлом свидетельствует интересный факт из жизни сказочника, рассказанный им самим в беседе с собирателем: «В 1935 году я разрубил себе топором палец и сидел дома. У меня жил восемь недель цыган, и каждый вечер мы друг другу рассказывали сказки. Которые он не знал, так я ему рассказывал. Так друг друга и утешали»⁴⁸. Данная запись была произведена в 1938 году, всего через три года после описанного события. Можно только представить себе, сколько замечательных сказок рассказали друг другу за два месяца во время ежедневных бесед талантливые сказочники, взаимно обогащая репертуар друг друга. О незаурядных способностях цыгана как сказочника свидетельствует одна из лучших сказок в репертуаре Ф. Ф. Кабренова «Страх-богатырь»⁴⁹, усвоенная от него. К сожалению, в 1938 году собирателю фольклора В. Р. Дмитриченко удалось записать от сказочника всего четыре текста. Следующая встреча с ним состоялась почти через десять лет. В 1946 и 1948 годах А. В. Белованова записала от Кабренова еще тридцать восемь сказок. В его обширном репертуаре встречаются сказки самого разнообразного содержания, но предпочтение он отдает волшебным сюжетам. Характерной особенностью творческой манеры Кабренова является монументальность сказок, которую он создает в основном за счет соблюдения сказочной обрядности. Во всех текстах имеются традиционные формулы, зачины и концовки, свидетельствующие о профессиональных навыках сказочника. Одним из наиболее развернутых зачинов его сказок является следующий:

«В некотором царстве, в некотором государстве, а именно в том, в котором мы живем, на ровном месте, как на бороне, верст за двести в стороне, это не сказка, а присказка, сказка будет в субботу после обеда, когда поем мягкого хлеба да похлебаю кислого борщу, тогда я вам и сказку расскажу»⁵⁰.

Сказка зачастую буквально нестрит традиционными сказочными оборотами, подчеркивающими ее жанровое своеобразие:

«Выстали они поутру ранешенько, умылись белешенько, богу помолились, в путь-дорогу снарядились»⁵¹.

«Шел он близко ли далеко ли, низко ли высоко ли. Скоро сказка сказывается, да по своим успехам дело справляется»⁵².

«Куда я махну гребешком, станьте корбы дремучие, болота топучие от востока до запада, чтобы не было пешему прохода, конному проезда, птичьего пролету, звериного прорыску»⁵³.

Соблюдение законов сказочной поэтики (тремякратные повторы, направленность действия, сказочные формулы и т. д.) являются для сказочника тем фундаментом, на котором он строит свою композицию сказки. В тех случаях, когда в повествование проникают описания, характерные для современного состояния сказочной обрядности, новые понятия органично

⁴⁸ АКФ 2, 49.

⁴⁹ АКФ Там же.

⁵⁰ АКФ 19, 20.

⁵¹ АКФ 19, 8.

⁵² АКФ 19, 20.

⁵³ АКФ Там же.

вписываются в традиционную поэтику: «за рекой стоит кавалер, что ни в сказке сказать, ни пером описать»⁵⁴. Иногда традиционную формулу «скоро сказка сказывается, по успехам дело делается» он заменяет выражением: «как скорее сказку сказать» или «скорее сказать, все ведь не описать», от чего функция формулы не меняется, а лишь своеобразно подчеркивается динамичность происходящих в повествовании событий.

При чтении сказок Ф. Ф. Кабренова бросается в глаза пристрастие к детальному изображению бытовой обстановки, пейзажа, подчеркивающих местный колорит сказки. Однако если внимательно изучить эти зарисовки, то можно обнаружить, что все они функционально обусловлены, т. е. и здесь сказочник строго соблюдает один из законов сказочной поэтики, существенно отличающийся от литературных норм. Если в литературе описание пейзажа зависит от субъективного настроения автора и часто способствует созданию психологической обстановки, фольклору чужд пейзаж как самоцель, его всегда можно объяснить с точки зрения поступков действующих лиц. В сказке «Хитрая наука» в эпизоде состязания ерша и шуки наблюдательность крестьянина, хорошо знающего повадки обитателей озер и лесов, помогает объяснить поведение сказочных персонажей путем изображения состояния природы: «Так они простояли целую ночь. Настал день, распекло солнышко да так прижгло, что шука задремала, а ерш в это время выскочил из щели, обернулся сорокой и улетел»⁵⁵. Знание крестьянского хозяйства, особенностей возделывания земли на Севере используются в другом эпизоде этой же сказки как одна из возможностей противопоставить поступки обычных, практических старших братьев загадочным, нелогичным, с точки зрения здравого смысла, поступкам героя — младшего брата. На вопрос отца, что можно сделать с определенным участком леса, старшие отвечают: «Вот, татка, эту лядинку бы вырубить да выжгать, запахать бы рожь, на полгода бы хлеба наросло»⁵⁶. Или: «Татко, вырубить бы да вычистить эти корба, на ползимы нашему скоту корму наросло»⁵⁷. Изображение обычного крестьянского труда, хорошо известного пудожанину, как бы подготавливает слушателя к восприятию необычных, «чудесных» поступков героя, которые и характеризуют волшебную сказку как жанр.

Из всей галереи сказочных персонажей, представленных в репертуаре Ф. Ф. Кабренова, наиболее любимы им герои, обладающие необыкновенной силой. Эту особенность можно объяснить влиянием в целом на пудожскую сказочную традицию русского богатырского эпоса, известного в этом былинном крае. Это рожденный чудесным образом Бур-корOVER, спасающий от всех бед своих братьев, растущий «не по дням, а по часам Страх-богатырь» и другие.

При рассмотрении сказочной традиции Пудожского края обнаруживается одна закономерность: почти все талантливые сказочники были хорошими исполнителями былин, и, наоборот, известные сказители былин исполняли и сказки. Это, в первую очередь, А. М. Пашкова, И. Ф. Мишкин,

⁵⁴ АКФ 2, 49.

⁵⁵ АКФ 20, 84.

⁵⁶ АКФ 19, 1.

⁵⁷ Там же.

И. Т. Фофанов, Н. А. Ремизов, Н. В. Кигачев, О. И. Дмитриев, Е. А. Кокунова, М. А. Павков. О том, что они были хорошими сказочниками, свидетельствуют как записи сказок, произведенные от них, так и воспоминация родственников.

От большинства из названных исполнителей, за исключением Анны Михайловны Пашковой, по ряду причин сказок удалось записать очень мало. Поэтому наиболее ярко былинное влияние прослеживается на примере ее творчества. О том, что этот процесс является взаимосвязанным, свидетельствуют наблюдения Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова: во вступительной статье к сборнику «Былины Пудожского края», анализируя эпическую традицию, они отметили, что при исполнении былин «Пашкова, сосредотачивая все внимание на новеллистических и сказочных мотивах, отдает предпочтение былине-новелле»⁵⁸. В другом месте читаем: «Героические былины Пашковой имеют одну особенность: они сильно насыщены элементами сказочной и легендарной фантастики»⁵⁹.

Но если мы обратимся к сказкам А. М. Пашковой, то увидим обратный процесс: в большинстве ее сказок обнаруживается влияние былинной традиции. Это, в первую очередь, связано с тем, что А. М. Пашкова была носителем разножанрового фольклора⁶⁰. С раннего детства наряду с былинами она усваивала и сказки. В родной деревне Ярчево, где Анна Михайловна родилась и жила до замужества, в их семье жили две ее тетки, одна из них — Ксения Тихоновна знала много былин, сказок, песен, духовных стихов. «Былин и сказок от нее много поняла. — говорила Анна Михайловна. — Она, бывало, за станом поет и за прятлицей поет»⁶¹. Среди других исполнителей, от которых А. М. Пашкова усваивала былины и сказки, она назвала Илью Зубова из ее родной деревни Ярчево, кенозерского коробейника Михаила Васильева, коробейников Абросима Куплянского и Данилу. Позже в с. Семеново, куда А. М. Пашкова вышла замуж, ей посчастливилось слышать былины и сказки от «слепого кореляка», которого, по ее словам, звали в деревне «Пеша слепой» и «Швед слепой»⁶². По-видимому, этот исполнитель был родом из деревни Корела, находящейся на противоположном от с. Семенова берегу реки Водлы, недалеко от деревни Кашино.

Ярче всего приемы былинного повествования в сказках А. М. Пашковой обнаруживаются в использовании былинного размера, которым передано содержание ряда сказочных мотивов. Так, в сказке «Водяник и лесовик» эпизод вылавливания перстня со дна моря рассказан, например, следующим образом:

«Рыбаки закидывали сеточки,
Вытащили они три рыбки:
Перву рыбку они семужинку,
Втору рыбку да белужинку,

⁵⁸ Былины, с. 27.

⁵⁹ Былины, с. 26.

⁶⁰ Шестнадцать былин, записанных от А. М. Пашковой, опубликованы в сб. «Былины». Ее прочтениями открывается сборник «Русские плачи Карелии», Петрозаводск, 1940, в котором опубликовано девять ее текстов. В дальнейшем — Плачи.

⁶¹ Былины, с. 62.

⁶² Там же, с. 468.

Третью рыбку осетринушку.
Говорят рыбаки да промеж собой:
— Сегодня у нас в деревне праздник.
Так сегодня днем осетра в котел!
Стали чистить осетра да помахивать,
А кишочки собачке да кошечке побрасывать.
Захватила собачка большу куколку,
Попалас в куколке золотой перстень,
Золотой перстень, да с царским пальчиком»⁶³.

Так же говорит она о свойстве чудесного кольца героя сказки:

«...Молодой дстинушка — крестьянский сын,
Переклад кольцо он с руки на руку,
Явились ему тут слуги верные,
Тридцать три молодца да неизменные.
Говорит он им таковы слова...» и т. д.⁶⁴.

В том же духе ведет Пашкова повествование сказки о покаянии жены героя, похитившей у него чудесный перстень:

«Как замолилась жена да покорилася:
— Ах ты гой еси, удалая головушка,
Ты створная моя семсюшка,
Не губи меня, да бабу глупую,
Я чужого ума надержалася,
А чужого совету наслушалася,
Я послушала своего батюшку,
Да того царя да заморского»⁶⁵.

Читая сказки А. М. Пашковой, рассказанные подобным размером, невольно вспоминаешь слова Никифора Васильевича Кигачева, который признавался в беседе с собирателями: «Могу сказку рассказать, могу на былинку переделать»⁶⁶. Былинное влияние на пудожскую сказку проявляется не только на уровне поэтического размера и не только у А. М. Пашковой, но это тема специального исследования, а не статьи общего характера.

Замечательную сказочницу Ирину Павловну Савинкову «открыла» в 1938 году в одной из фольклорных экспедиций в с. Семеново Е. А. Белованова и записала от нее сорок три сказки⁶⁷.

Богатство репертуара и манера исполнения свидетельствуют об усвоении сказочницей определенной местной устно-поэтической традиции. И. П. Савинкова родилась в 1878 году в деревне Маткожа, в окрестности Кунецкого озера, одного из живописнейших уголков Пудожского края. В двадцатые — тридцатые годы нашего столетия здесь было записано большое количество былин, выявлены талантливые сказочники. Б. М. Соколов и В. И. Чичеров

⁶³ АКФ 12, 62.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Былины, с. 35.

⁶⁶ Там же. О влиянии былинной манеры исполнения на сказку писал еще в 1871 году Гильфердинг, анализируя творчество А. П. Сорокина. См. Былины, с. 13.

⁶⁷ Две сказки И. П. Савинковой опубликованы. См. Чистов.

записали одну былинку и от И. П. Савинковой, которую, по ее словам, она переняла от старика Егора Кузнецова⁶⁸.

К сожалению, нам известно очень мало о том, где и от кого переняла И. П. Савинкова большую часть своего сказочного репертуара. В беседе с собирателем она рассказывала: «Сказки все помню с девичества. Слышала их от нищих, цыганок, бабушек»⁶⁹. Здесь же она приводит интересный пример о бытовании сказки в женской среде: «...говорила (сказывала) и на вечерках. Я сказку скажу, а мне на отместку друга девка скажет. Как скажу одну, так от них не отобьешься»⁷⁰. Позднее И. П. Савинкова рассказывала сказки в основном только своим детям и внукам, что сказалось на выборе сюжетов, рассчитанных в большинстве своем на детскую аудиторию. Часть сказок И. П. Савинковой переняла ее дочь П. М. Семкина.

Ряд особенностей творческой манеры И. П. Савинковой, таких как акцентирование внимания на социальной обездоленности героя, подчеркивание классовых противоречий антагонистов, местный колорит, приближение описываемых в сказке событий к реальной действительности, авторские ремарки являются отражением современного состояния русской народной сказочной традиции, характерного для нашего времени.

В отличие от других сказочников И. П. Савинкова не отдает предпочтения сказкам волшебным, о животных или анекдотическим. Те и другие рассказывает с одинаковым интересом. Но есть в ее творчестве одна особенность, существенно отличающаяся от исполнительской манеры других сказочников Пудожского края,— это использование почти во всех сказках рашного стиха. Данный факт служит наглядным подтверждением существования в Пудожском районе еще в недалеком прошлом сказочников-профессионалов.

Рашный стих, одна из наиболее распространенных форм народного стиха, придает повествованию сказок своеобразный колорит. Инициальные формулы, выдержанные в форме рашного стиха, встречаются у нее в основном в сказках анекдотического содержания, они способствуют созданию веселого юмористического настроения. Иногда данный размер распространяется за пределы инициальной формулы и становится частью дальнейшего повествования. Вполне вероятно, что такие сказки некогда в устах сказочников-профессионалов были полностью выдержаны в подобном стиле:

«Был поп толоконный лоб,
С головы был мохпатый,
С плеч горбатый,
С живота пузатый,
С ног виловатый.
Какого работника ни возьмут —
Никакой жить не может.
День поп давал дрова рубить,
Сена возить,
Ночью церковь сторожить»⁷¹.

⁶⁸ См. Онежские былины, с. 315.

⁶⁹ АКФ 6, 126.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ АКФ 6, 138.

«Был в деревне такой шатунок Фома.
Всегда холостой жил,
Не блажил
И людей не смешил.
Женатый не бывал,
Без жены не сыпал,
Около чужих все подкармливался»⁷².

Концовки же, исполненные рашным стихом, встречаются в сказках независимо от их жанровой разновидности. Это, вероятно, связано с общей функцией финальных формул, основная цель которых вывести слушателей из сказочного повествования и подчеркнуть замкнутость (нереальность) сказочного времени.

«Неподалеку жил царь Картаус,
У него золотой ус,
На усу вырос арбуз,
На арбузе огурец.
И построили на нем дворец.
На дворце росла береза,
На березе мочало.
Желашь еще прослушать?
Начнем сначала»⁷³.

«Луп, луп, луп,
Не оскаливай зуб.
А оскалишь зубы,
Кладу крючок на губы.
Сказка вся,
Больше врать нельзя»⁷⁴.

В сказках И. П. Савинковой рашный стих встречается и в середине повествования. В ряде случаев с его помощью сказочнице удается своеобразно, иносказательно подчеркнуть социальную обездоленность крестьянина-бедняка:

«Ну, не печалься,
Мы с тобой все прожили,
У нас ни есть, ни пить,
Ни по душе дать.
Исть-пить нечего,
А жить весело.
У печи не жарься,
На мужа не жалься.
Во хлев не ходи,
Башмаки не марай,
Молока не хлебай»⁷⁵.

В некоторых стихах проявилось отрицательное отношение крестьянина предреволюционной деревни к отхожим промыслам:

«Кинь камень в воду —
Он не размокнет,
А долго бурлак работает,

⁷² АКФ 6, 140.

⁷³ АКФ 6, 137.

⁷⁴ АКФ 6, 144а.

⁷⁵ Там же.

Да не разбогатеет.
А нет того краше,
Кто рожь пашет»⁷⁶.

Часто в повествовании встречаются короткие рифмованные строки, напоминающие поговорки:

«Стал разживаться.
Жить, как с воды пить»⁷⁷.

«Жили два брата.
Жили дружно,
Как два друга,
Будто мороз да выюга»⁷⁸.

В сатирической сказке «Про попа» рифмованные строки позволяют сказочнице придать иронический оттенок ряду сцен и заострить их антипоповский характер. Так, например, поп не хочет взять в работники крестьянина по имени Иван, так как попадья «не велела Иванов братъ, говорила, что этих Иванов, как грибов поганых». На что герой не без иронии отвечает: «О батюшка, в нашем приходе не Ивана не найти, сам-то приход Ивановский. А как в другой приход пойдешь, да домой к ночи не придешь»⁷⁹.

Особенности сказок И. П. Савинковой не являются индивидуальной принадлежностью только ее исполнительской манеры. Расширенный стих встречается и у других сказочников, но не в такой мере, как у Савинковой.

Евдокия Алексеевна Кокунова представляет собой тот редкий тип исполнителей, у которых благодаря благоприятному стечению обстоятельств на протяжении ряда лет записан обширный и разнообразный в жанровом отношении фольклорный репертуар. Рассмотрение его поможет в создании художественного портрета типичной русской крестьянки — хранительницы традиционного русского фольклора. Впервые Е. А. Кокунова стала известна фольклористам как исполнительница былин. В 1938 году О. Г. Большакова записала от нее текст очень редкой былины о Ставре Годиновиче, которая была опубликована в книге «Былины Пудожского края»⁸⁰, а немного позднее были записаны восемь сказок, девять лирических песен, загадки, анекдоты, плачи. В 1947—1948 годах А. В. Белованова записала от Е. А. Кокуновой еще шестнадцать сказок.

В творчестве Е. А. Кокуновой проявились тенденции, характерные для советского фольклора 30-х годов. Известно, что при помощи и поддержке фольклористов исполнители, опираясь на традиционную поэтику, пытались создавать новые произведения, отражающие советскую действительность. Являясь актом личного творчества наиболее талантливых сказителей, эти произведения тем не менее помогают понять мировоззрение советского

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ АКФ 6, 139.

⁷⁹ АКФ 6, 138.

⁸⁰ Былины, с. 429.

крестьянства тех лет. Чаще всего они складывались в форме плача, художественные приемы которого давали большую возможность для импровизации. От Е. А. Кокуновой записано несколько подобных плачей-сказов⁸¹. В лучшем из них, посвященном памяти В. И. Ленина, в оригинальной форме повествуется о тех изменениях, которые произошли в жизни бедняков благодаря советской власти. Быстрое восприятие всего нового, умение художественно отразить его, оказали своеобразное влияние и на творческую манеру Е. А. Кокуновой как сказочницы.

Большую часть своего сказочного репертуара она усвоила в родной деревне Лобеги, где родилась и жила до замужества. Первые сказки услышала от отца, который, по ее словам, был хорошим сказочником. В семье Е. А. Кокуновой любили книгу. Отец, служивший десятником у купца Русанова, часто приносил домой книги, по-видимому, дешевые издания, в которых печатались популярные в народе литературные сказки, переводные рыцарские романы и т. д. Он не только рассказывал сказки «по памяти», но и читал их детям. Позже, научившись самоучкой читать, Е. А. Кокунова некоторые сказки переняла из книг, вследствие чего в ее репертуаре много сказок книжного происхождения. Ряд литературных сказок, записанных от нее, почти дословно совпадают с оригиналом, например, пересказ «Сказки о мертвой царевне и семи богатырях» А. С. Пушкина⁸².

В качестве «учителя» Е. А. Кокунова называла также нищего портного Абросимова, по прозвищу Иван Куплярик⁸³. До настоящего времени сохранилось очень мало сведений о безвестных сказочниках-профессионалах, бродивших в поисках заработка по деревням и развлекавших своим искусством местных жителей. Некоторые сведения, полученные от Е. А. Кокуновой, помогают представить сказочный репертуар нищего Абросимова. Оказывается, он состоит не только из традиционных русских народных сказок, значительное место среди них занимают сказки литературного происхождения и даже пересказы произведений несказочной прозы. Так, от старика Абросимова, по словам исполнительницы, она усвоила «Сказку о царе Салтане», «Песню про купца Калашникова» и даже повесть А. С. Пушкина «Метель», которые прочно вошли в ее репертуар.

Помимо данного примера, в архиве имеется еще ряд сведений о том, что распространению сказок в Пудожском районе способствовали грамотные люди, мастеравые. Ф. М. Ефимов и другие сказочники вспоминали Ивана Петровича Хотина, портного с Купецкого озера. Он также, как Абросимов, ходил по деревням, выполнял свою портняжную работу, вечерами вокруг него собирался народ слушать чтение книг: «...а в книжках-то сказки были написаны,— говорил Ефимов.— Куды приде, дак месяц живё. В кажинный вечер к ему ходили сказки слушать»⁸⁴. Подобные сведения отра-

⁸¹ Плачи, с. 263—265, 307—310; «Сказания о героях Арктики». Петрозаводск, 1958, с. 24.

⁸² АКФ 17, 88.

⁸³ А. М. Пашкова среди лиц, от которых слышала былины и сказки, также называла нищего Абросима Куплянского. По-видимому, речь идет об одном и том же лице.

⁸⁴ АКФ 17, 70а.

жают естественный интерес сельского населения ко всему необычному, который ощутимо обнаруживается на рубеже XIX—XX веков⁸⁵.

Во время фольклорной экспедиции в 1976 году в Пудожский район нам посчастливилось встретиться с Михаилом Осиповичем Дмитриевым, мастером «долгой» волшебной сказки, представителем некогда богатой семейной сказочной традиции. Приходится сожалеть, что встреча с ним не состоялась несколько десятилетий раньше. По признанию самого сказочника, он не рассказывал сказки уже лет тридцать. Естественно, что некоторые из них забылись. Однако те сказки, которые сохранились в памяти сказочника, он рассказывает великолепно, подробно передавая все мельчайшие детали повествования. Это подтвердили повторные записи сказок, а также сравнение их с аналогичными сказками, записанными около пятидесяти лет назад от его отца Осипа Ивановича Дмитриева, от которого, по признанию самого сказочника, он усвоил почти все известные ему сказки.

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с творчеством Дмитриева,— это большие размеры его сказок. Некоторые из них достигают двадцати пяти машинописных страниц. Известно, что для создания больших сказок исполнители контаминируют в одном тексте ряд сюжетов. Сказки М. О. Дмитриева не являются исключением в этом отношении. Однако разнообразием контаминаций его сказки не отличаются. В ряде текстов встречается соединение не более трех-четырёх сюжетов⁸⁶. Для увеличения размеров сказок исполнитель предпочитает другие сказочные приемы, например, введение в повествование большого количества сказочных атрибутов, строгое соблюдение законов сказочной поэтики, умелое использование традиционных сказочных формул.

Немаловажное влияние на исполнительское мастерство, а также на размеры сказок М. О. Дмитриева, оказала, на наш взгляд, та обстановка, в которой рассказывались раньше сказки. Во время работы со сказочником удалось выявить интересные детали относительно их бытования. Известно, что исполнение сказок у многих народов было связано с временными ограничениями. Чаще всего они рассказывались вечером. Данная особенность объяснялась магической функцией сказок, определенного рода оберегами. Несмотря на то, что в настоящее время связь с обрядами утрачена, традиция вечернего рассказывания осталась. М. О. Дмитриев строго соблюдает ее. Вначале стремление рассказывать сказки только вечером не обращало на себя нашего внимания, но в процессе работы выяснилось, что здесь имеет место определенная традиция, которая подтверждается также воспоминаниями об отце: «Отец сколько о празднике не гостит, а ночи уж не сыпал. Днем когда ляжет, а ночами не приходится. Все сказки рассказывает. В какой бы деревне не был, куда нос не сунет,— там и сказки»⁸⁷.

Сам М. О. Дмитриев традицию вечернего рассказывания объясняет спецификой труда пудожских крестьян. «У нас в Рагнозере была еще такая

⁸⁵ Аналогичной причиной объясняется появление в песенном репертуаре крестьян жестоких романсов.

⁸⁶ Так, например, сказка «Про жену Светлану» представляет собой соединение сюжетов СУС 402, 400 А, 518, 302; «Бур-хребер» — СУС 303, 300 А, В, 519, 300 А I; «Про воробья и крысу» — СУС 553, 313 В, 313 С, 313.

⁸⁷ АКФ 83, 51. Рассказ о своей жизни.

особенность. Съездишь на рыбалку, а ряпушки пудов семь-восемь привезем и вот наб вычистить пальцами и вычистить наб вечером... Вот чистят и дремлют. А для того, чтобы не дремалось, вот и рассказывают, кто, что, где слышал, видал, смешат друг друга. Больше всего это делали из-за того, чтобы люди не дремали»⁸⁸.

Во время сплава леса по мелкой, но порожистой реке Рагнуксе, когда приходилось по нескольку суток «копить» воду, во время вынужденного отдыха сплавщики также развлекали по вечерам друг друга сказками: «Вот придешь, попьешь, поешь,— вспоминает М. О. Дмитриев,— спать-то ведь надоест. Вот и сказываешь. Одна сказку хорошу сказал, другой — чтобы лучше. Тоже как соревнование. Чьи сказки окажутся лучше, того больше и просят, тому и уважение было»⁸⁹.

Временные ограничения при исполнении сказок были связаны не только с временем суток, но и с временем года. Так, в родной деревне сказочника Рагнузере предпочитали зимнее время для рассказывания сказок. Чаще всего сказки, по сообщению М. О. Дмитриева, рассказывали в лесу под слью, у костра и в лесных избушках. Эти особенности исполнения сказок, ставшие традицией, также не случайны. Как известно, генетические корни их связаны с определенными производственно-магическими обрядами⁹⁰. Полностью оторвавшись от обряда, они стали выполнять иные функции. Длинные зимние вечера, которыми отличается русский север, артельный способ труда, способствующий совместному проведению досуга, располагали к исполнению «долгих» волшебных сказок.

В творчестве М. О. Дмитриева нашли отражение тенденции, характерные для современного состояния русской народной сказочной традиции. В первую очередь это касается острой социальной направленности его сказок. Наряду с тем, что сказочник детально передает традиционные формы изображения социальных противоречий между героем и его противниками, он дополняет их реалистическими зарисовками, которые углубляют социальные акценты сказки. Исполнитель наделяет своих любимых сказочных персонажей ярко выраженным чувством собственного достоинства. Так, например, купеческий сын в сказке «Никола» упрекает своего отца за то, что тот нечестным трудом наживает себе состояние: «Папа, вот ты за этот товар дорого берешь, людей обдираешь». Причиной, побудившей героя бродяжничать, является нежелание пользоваться богатством, нажитым нечестным трудом: «Папа мой торговал все, обдывал людей. Но я не хочу этой специальностью заниматься. Хозяйство, именно я все почти что роздал по бедноте, по нищей братии все роздал, а пошел бродяжничать»⁹¹. Кирша-богатырь, герой одноименной сказки, не смущаясь, требует у царя обед для своей матери, грозя в противном случае расправиться с ним. «Ваше царское величество, вы соберите-ко для мамки обед. Моя мамка тоже пообе-

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ АКФ. Там же.

⁹⁰ Р. Я. Вийдалепп. Исполнение народных сказок как производственно-магический обряд. М., Наука. 1964, VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук.

⁹¹ АКФ 83, 50.

дать хочет. Да не ошибитесь, чего-нибудь плохого не кладите. Нет, дак ведь я могу рассчитаться с вами»⁹².

Известно, что на социальную направленность сказок огромное влияние оказывает та социальная среда, в которой бытует сказка. До революции семья отца М. О. Дмитриева, где он унаследовал сказочную традицию, жила очень бедно, испытывая унижения со стороны зажиточных односельчан. Вот как об этом вспоминает сам сказочник: «Отец очень бедно жил. Правда, его несчастье поискало большое. Поделился с братьями, семи годов конь пропал у него, корова подохла. Конь пропал, он весеннего сева вообще не мог сделать хорошего. Ну и так повело, повело до того, что он уж стал самым таким низким хозяйством»⁹³. Являясь представителем беднейшего крестьянства, сказочник отразил в своем творчестве его мировоззрение; по-видимому, этим объясняется любовь к сказкам с острым социальным конфликтом, где герой «низкого» происхождения одерживает победу или посрамляет своего классового антагониста.

Характерной чертой сказок Дмитриева является также его любовь к героям, обладающим богатерской силой, которую можно объяснить как влиянием богатой в этом крае былинной традиции, так и глубокой личной симпатией к одному из них — Рахте. Дело в том, что Рахта Рагнозерский, сильный, храбрый, независимый богатырь, является, по преданию, основателем родной деревни М. О. Дмитриева — Рагнозера. Сам сказочник считает себя потомком этого древнейшего рода. Не случайно наше знакомство с ним началось с рассказа о подвигах Рахты Рагнозерского. Надо было видеть, с какой нескрываемой гордостью вел повествование М. О. Дмитриев о своем предке. В отличие от былинных богатырей, которые используют свою силу для защиты Родины от врага, Рахта применяет ее в повседневном крестьянском труде: «Он на семеры дровни мог березняку принести зараз, всякого материала — и полозья, и копылья, и вязья, всего мог на семеры дровни принести»⁹⁴. Даже противник героя удивляется необыкновенной силе Рахты: «Я думал тут остров стоит, а это он с ношею идет»⁹⁵. Черты, присущие Рахте, сближают его со сказочными персонажами, их легко можно обнаружить в героях волшебных сказок, исполняемых М. О. Дмитриевым.

Отправляясь за фольклорным материалом в места, известные богатой устно-поэтической традицией, собиратели фольклора обычно пытаются разыскать родственников некогда живших здесь талантливых сказителей, чтобы собрать дополнительные биографические сведения, пополнить архивный фонд новыми записями, свидетельствующими о преемственности фольклорных традиций. Во время одной из экспедиций на Купецкое озеро мы познакомились с дочерью талантливого исполнителя былин Ивана Терентьевича Фофанова⁹⁶ — Ефимией Ивановной. В ходе беседы выяснилось, что она не переняла былинную традицию отца. Но в ее фольклорном «багаже» наряду

⁹² АКФ 83, 49.

⁹³ АКФ 83, 51.

⁹⁴ АКФ 83, 47.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ О нем см.: К. В. Чистов. Русские сказители Карелии. Очерки и воспоминания. Петрозаводск, «Карелия», 1980.

с жанрами, известными каждому сельскому жителю,— песнями, частушками, быличками и т. д., имеются и сказки. От нее записано около десяти сказочных сюжетов. Особого внимания заслуживает манера исполнения Ефимьи Ивановны, часто приближающаяся к игре. Передавая содержание сюжета, исполнительница мимикой, голосом и жестами пытается подражать сказочным персонажам. Наиболее красочно выглядит в ее исполнении популярная сказка «Гость Терентий» (СУС 1360 С)⁹⁷, которую она разыгрывает в лицах. Подражая попадье, Ефимья Ивановна, приплясывая, в песне смеется над одураченным попом:

«Попушка, поп,
Безумный наш поп.
Куда ён поехал,
Во римское царство
Да по постное масло...»

А затем, имитируя церковный псалом, растягивая слова, заканчивает:

«Туды ёму да не сойти,
Назад ёму да не прийти».

Работник, подражая попадье, в песне советует мужу, как расправиться с неверной женой и ее любовником.

Приплясывая, Ефимья Ивановна продолжает:

«Солома ты, солома!
Не знаешь, что есть дома.
Дьяк сидит на стуле,
Да попадьёшка на скамье,
Полуштофик да на столе.
Висит безмен на стены...»

А затем, снижая голос, вновь подражает псалму, отчего ситуация, в которой оказываются незадачливые «влюбленные», становится особенно комичной:

«...Кому пойдет по спи-ны».

Окончательное расположение к нам со стороны Е. И. Фофановой мы почувствовали, когда она согласилась проводить нас в соседнюю деревню Алексеево, где живет сын упоминавшегося выше Никиты Антоновича Ремизова — Иван Никитович, и познакомить нас с ним. Авторитет нашей новой знакомой обнадежил нас в успехе предстоящей беседы. И мы не ошиблись. Иван Никитич оказался очень радушным хозяином. Сразу же согласился рассказать нам все, что знает и помнит об отце. Оказалось, что хотя Никита Антонович прославился как незаурядный исполнитель былин, все же больше он любил рассказывать сказки и выбирал их соответственно аудитории: «Если мужикам-старикам, то про хлеб да про землю, а молодым мужикам про то и про се — «заветные», женщинам и молодым девушкам — про женихов... Бывало, и на вечера стану посерединке избы и рассказываю»⁹⁸.

⁹⁷ АКФ 83, 55.

⁹⁸ Былины, с. 266.

К сожалению, от Н. А. Ремизова записано всего пять сказок. По словам сына, репертуар его был рассчитан на мужскую аудиторию. О характере его сказок свидетельствует и содержание. Сказки Ивана Никитовича, усвоенные от отца, в основном эротические. Примечательно, что эротические сказки Ремизова, как правило, носят антицерковный характер⁹⁹. Репертуар И. Н. Ремизова еще далеко не исчерпан, продолжение работы с ним представляет несомненный научный интерес.

Итак, из представленного обзора видно, что пудожские сказки являются неотъемлемой частью общерусского фольклорного богатства. Записанные в сравнительно небольшой промежуток времени, они наряду с сохранением традиционной сказочной поэтики и некоторых специфических особенностей, упомянутых в статье, отражают в основном тенденции, характерные для современного состояния общерусской сказочной традиции.

А. П. РАЗУМОВА,
Т. И. СЕНЬКИНА

⁹⁹ См., например, сказку «О Николе-чудотворце». АКФ 98. 60.